В. П. Мякишев

И. И. ЛАППО — УЧЕНЫЙ С ЖИВЫМ ЧУВСТВОМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Имя русского профессора Ивана Лаппо скорее известно лишь специалистам по истории Великого княжества Литовского, без его работ и сегодня трудно представить историографию Западной Руси. Если черпать информацию об этом исследователе исключительно из советской справочно-энциклопедической литературы, полученные сведения ограничатся скупыми данными основных вех биографии ученого-эмигранта да идеологически выверенной "оценкой" его творчества. К И. И. Лаппо в СССР крепко прилип ярлык "типичного представителя официально-охранительного направления буржуазной историографии периода империализма"[1]; сторонника "государственно-юридической школы, для которой характерно отсутствие внимания к положению эксплуатируемых народных масс"[2]; статичного исследователя, которому недоступно осознание "исторического процесса"[3] и "понимание объективных закономерностей развития, причин обострения социальных противоречий"[4].

А кем был в действительности И. И. Лаппо? Только ли признанным знатоком истории Великого княжества Литовского; автором работ, удивляющих объемом включенных в них сведений; источниковедом, проанализировавшим огромный фактический материал? Он был еще человеком, судьбу которого переехала Октябрьская революция; вынужденным странником, скитавшимся по России, Греции, Югославии, Чехословакии, Литве, Германии... Сейчас бы сказали, что он был гражданином Европы. Но как ни парадоксально это будет звучать, И. И. Лаппо был гражданином Великого княжества Литовского — и эта принадлежность объясняла весь смысл жизни ученого и большинство перипетий его биографии.

Иван Иванович Лаппо родился 29 августа 1869 г. в Царском селе под Петербургом[5] и был выходцем из старинного дворянского западнорусского рода. Сам историк в одном из своих писем отмечает, что его предки жили в Витебской губернии[6]. Обращение к *Польским гербовникам* со значительной долей вероятности дает возможность восстановить генеалогические корни профессора. Известный в Речи Посполитой род Лаппо герба Любич уходил корнями в бельскую землю. Ветви, оставшиеся в

польской Короне, изменили первоначальную фамилию на Лапинский, те же, что осели в Литве, сохранили исконное Лаппо[7]. Представлявший "русскую" линию Матьяш Лаппо "получил в 1566 году Стажинки в минском воеводстве. Сыновья его купили в 1599 году Лукавец. Один из внуков, Лаврын, приобрел в 1635 году земли под Витебском и осел в городе". Правнуки Лаврына в 1748 и 1751 гг., а потомки — в конце XVIII в. — в судебном порядке отстаивали свое право на шляхетство[8]. Можно предположить, что И. И. Лаппо был продолжателем именно этой ветви.

В 1888 г. И. И. Лаппо поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, который закончил четырьмя годами позже[9]. Главным учителем его был тогда еще только начинающий путь в науку будущий академик С. Ф. Платонов, по представлению которого И. И. Лаппо был оставлен при университете для подготовки к профессуре[10]. Задатки к исследовательской работе у царскосельского юноши проявились уже в студенчестве, когда под наблюдением научного руководителя он начал писать свою первую монографию[11]. Книга *"Тверский уезд в XVI веке"* увидит свет в 1894 г. и останется, пожалуй, единственной объемной публикацией автора, не связанной с тематикой Великого княжества Литовского. Уже магистерская диссертация, работу над которой И. И. Лаппо совмещал с учительствованием в гимназии[12], предопределила выбор увлечения, которому исследователь не изменил до конца жизни. Ведь по мнению, высказанному тогда молодым ученым, "редкий отдел истории человечества заслуживает такого внимания, на какое имеет право внутренняя история Литвы"[13].

В 1902 г. в Петербургском университете И. И. Лаппо защищает диссертацию по теме *"Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория"*[14]. Вскоре само сочинение[15] было представлено на соискание премии Г. Ф. Карпова[16] и признано достойным этой награды, а автору работы было предложено занять должность приват-доцента в родном вузе[17].

В рецензиях на монографию — в целом, безусловно положительных — звучало немало критики: слишком необычным казались как сам авторский основной тезис, так и эмоциональная манера его отстаивания. И. И. Лаппо утверждал, вопреки распространенному мнению о "втелении" (инкорпорации) Литвы в Польшу и образовании единого государства, что и после Люблинской унии Великое княжество сохраняло свою государствен-

ную самостоятельность вплоть до второй половины XVIII в. К слову сказать, доказательством этого тезиса с той поры станет все научное творчество ученого.

Рецензенты магистерского сочинения, названного “справочною книгой всех, занимающихся литовско-русскою историею”[18] и “реальным словарем древностей Литвы”[19], уловили в работе И. И. Лаппо, пожалуй, главное в его научной манере: фактологичность (“этот труд отличается достоинством добросовестного документального исследования, чрезвычайно обстоятельного и детального”[20]); панорамность (“в то время, как другие сосредоточивали свое внимание на отдельных сторонах жизни литовско-русского государства, И. И. Лаппо стремился обозреть эту жизнь во всей полноте ее”[21]); эмоциональность (вот лишь один наглядный образец авторской стилистики; когда И. И. Лаппо пишет о поведении поляков и литовцев на Люблинском сейме: “С одной стороны, эгоизм и холодный рассчет рядом с заносчивостью чувствующего за собою силу момента и обстоятельств эгоиста, с другой — кровавые слезы и безысходное горе истинного страдания людей, находящихся в безысходном положении”[22]) и (это ясно уже из предыдущей цитаты) пристрастность (исследователь “страдает некоторыми преувеличениями и неправильною оценкою фактов. Источник этого надо искать в литовском патриотизме, одушевлявшем автора. И. И. Лаппо всею душою на стороне литовцев против поляков, и это мешает ему по временам быть беспристрастным судьею-историком”, — пишет один рецензент[23]. Второй ему вторит: изложенная в работе “точка зрения ни русская, ни польская, она — литовская. ...Едва ли нужно доказывать, что очень большое расстояние лежит между пониманием вопроса И. И. Лаппо и современною наукою. Но мы думаем, что причина этому не незнание автора, а его страстное увлечение Литвою, увлечение, за которое он заплатил так дорого”[24]).

Как видно из приведенных выдержек, критические замечания в адрес молодого исследователя были доброжелательны: прежде умели дорожить атмосферой толерантности и благосклонности в научной среде, могли отличить основное от второстепенного. Главным же было то, что, по словам профессора Московского историко-филологического института С. М. Середонина, “в лице его (И. И. Лаппо. — *В. М.*) наука получает работника, преданного делу, самостоятельного, оригинального и уже, бесспорно, знающего и умного. Соединение качеств этих встречается не часто и не особенная беда, что такие работники отли-

чаются некоторым самомнением; с ними надо больше спорить, ими надо больше дорожить"[25].

В 1905 г. И. И. Лаппо был приглашен на кафедру русской истории в Юрьевский университет. Переезд в Прибалтику, казалось бы, гарантировал новоиспеченному ординарному профессору как плодотворную, так и спокойную работу в вузе с большими традициями. До поры до времени так оно и было.

Ученый интенсивно исследовал исторические письменные памятники ВКЛ. В 1906 г. он обратился в Петербургскую археографическую комиссию с предложением рассмотреть подготовленный им перспективный план публикации книг Литовской Метрики[26]. Разработку И. И. Лаппо Археографическая комиссия одобрила и поручила автору редактировать издание метрических книг (два тома было опубликовано[27], а третий — завершающий — подготовлен к печати и набран в типографии, выпуску его в свет помешала первая мировая война).

В 1911 г. в Московском университете И. И. Лаппо защитил докторскую диссертацию *"Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия"*. Изданная монография[28], не называясь формально вторым томом, являлась непосредственным продолжением магистерской работы. Автор сочинений демонстрировал завидную настойчивость в достижении поставленной цели — исследовании социально-политического строя Великого княжества Литовского эпохи заключения и реализации Унии. Книга также была удостоена премии Г. Ф. Карпова, а маститый рецензент — тогдашний ректор Московского университета и председатель Общества истории и древностей российских — М. К. Любавский писал: "Проф. Лаппо обнаруживает огромную начитанность в первоисточниках, далеко выходящую за пределы эпохи, к которой ближайшим образом относится его исследование"[29].

После защиты докторской диссертации обязанностей у ученого сразу же прибавилось. С 1911 г. он становится председателем исторического отделения Юрьевских педагогических курсов[30]. Годом позже Российская АН поручает ему исследовать и подготовить к публикации печатный текст Литовского Статута 1588 г.[31] — выполнение этого задания займет свыше двадцати лет и станет главным научным достижением историка. В 1916 г. И. И. Лаппо назначают членом комиссии Министерства просвещения[32].

А затем в мирный и естественный ход событий вмешалась история. В феврале 1918 г. войска кайзеровской Германии оккупировали Юрьев. Университет был объявлен немецким, чтение лекций на русском языке запрещалось[33]. Главнокоманду-

ющий оккупационной армией генерал Кирбах предложил ректору и русским профессорам “добровольно покинуть Лифляндию и направиться в Россию”[34].

Университетский Совет командировал своих представителей в социалистические уже Петроград и Москву, чтобы выяснить возможности эвакуации вуза, договориться о возобновлении его деятельности в одном из русских городов, причем на первое место выдвигался Воронеж. После утверждения именно этого “варианта” Совнаркомом в июле и августе 1918 г. из Юрьева в черноземный центр отправились два эшелона, в которых уехало более тысячи человек, в том числе 39 профессоров (среди них И. И. Лаппо) и 45 преподавателей[35].

То, с чем пришлось столкнуться им в новом советском университете, поначалу мало напоминало академическую деятельность в Юрьеве. Пользуясь отменой “формальных преград, затруднявших доступ трудящимся к высшему образованию”, в 1918 и 1919 гг. в ВГУ поступали “по 6—7 тысяч новичков, большая часть которых была совершенно не готова к получению университетских знаний. Преподаватели, в свою очередь, не имели никаких возможностей обеспечить должную подготовку столь внушительной и разношерстной массы”, их попытки предъявить требования к студентам “неизбежно воспринимались сквозь призму классовой борьбы как отражение контреволюционной сущности”[36].

Ситуация в ВГУ еще не успела стабилизироваться, когда опыт и умения яркого представителя “буржуазно-дворянской профессуры” И. И. Лаппо нашли иное — может быть, более достойное — применение. В 1918 г. в губернских городах Советской России создается институт уполномоченных Главархива, призванных возглавить строительство местного архивного хозяйства. Весной 1919 г. на эту должность по Воронежской губернии был назначен проф. ВГУ И. И. Лаппо, а с образованием Губархива ему предстояло занять должность заведующего[37]. Сказалась репутация историка высшей квалификации и специалиста, сделавшего имя на изучении старых документов.

Работа по организации Губархива, выявлению и учету всех имеющихся архивных фондов была сопряжена с нехваткой самого необходимого — не только для деятельности учреждения, но и для жизни его сотрудников. Вот типичный образец деловой корреспонденции того времени:

В Президиум Воронежского горпродкома

23 июля 1919 года

В дополнение к отношению от 18 сего июля за № 71 усиленно поддерживаю свое ходатайство о выдаче 8 пар ботинок некоторым лицам личного состава Воронежского архивного фонда по следующим мотивам: указанные в коллективном списке сотрудники и другие лица, кроме занятий по осмотру, обследованию и описанию архивов, несут постоянно также и тяжелый физический труд, перенося из одного помещения в другое или передвигая с места на место в самих архивах объемные и тяжеловесные связки дел и книг, причем сильно изнашиваются и портятся обувь и платье. Это обстоятельство, по всей справедливости, дает мне основание просить об удовлетворении насущной нужды моих сослуживцев в обуви.

Уполномоченный Главного управления
Архивным фондом по Воронежской губернии
И. И. Лаппо[38]

Просить приходилось обо всем: “отпуске мыла в количестве 1 фунта на человека, 10 аршин холста (14 июля — л. 29); сколько окажется возможно чаю — ввиду летнего жаркого времени и развития желудочных заболеваний (29 июля — л. 43); полстопы бумаги писчей, две дюжины перьев, 10 карандашей обыкновенных, 2 карандаша красных (31 июля — л. 46); самоварную трубу, одно ведро и один таз (5 августа — л. 144); муки пшеничной (пять фунтов) и картофельной (пять фунтов) для клейстера, необходимого для наклейки ярлыков на книги и дела (27 августа — л. 54); разного рода продуктов, товаров и материалов, какие предполагается раздать личному составу советских учреждений (27 сентября — л. 64)”[39].

Ситуацию усугубляло военное положение в губернском центре. В октябре 1919 г. Воронеж был занят белыми отрядами А. Шкуро, которые продержались здесь всего 24 дня. Но уже через две недели после вступления белогвардейцев И. И. Лаппо исчез из города.

В университетской справке за № 1113, составленной 11 ноября 1919 г., сообщается, что “профессор Воронежского государственного университета Иван Иванович Лаппо, как видно из его донесения Ректору университета от 30 сентября 1919 г. выбыл из города Воронежа 1/14 октября 1919 года в гг. Ростов и Харьков по болезни и домашним обстоятельствам сроком на две недели”[40]. Загадочное исчезновение заведующего и то обстоятель-

ство, что из архива в это же время исчезли три папки с документами и перепиской, побудили сотрудников ведомства уже после освобождения Воронежа заняться поисками своего коллеги — результата они не дали[41] .

Милиция по запросу Воронежского губархива искала И. И. Лаппо в Ростове, где он "по частным сведениям, состо<ял> на службе в Ростовском на Дону университете, занимая должность профессора"[42]. Затем мнимые следы завели в Новочеркасск, где, судя по количеству упоминаемых в отчетах инстанций и лиц, была развернута бурная и бестолковая деятельность[43] , скажем, в одном из районов пятеро старших миллиционеров рапортуют, что на подведомственной им территории "Лапина (!) Ивана Ивановича не оказалось. Дальнейший розыск производится"[44].

Как полагал профессор ВГУ В. И. Чесноков, занимавшийся "воронежской" страницей биографии ученого, это было, скорее, не бегство, а временная отлучка из города — иначе не нужно было бы прикрываться отпуском, испрошенным у ректора. А кроме того, ничто не мешало бы забрать из Воронежа имущество, библиотеку и личный архив, которые здесь И. И. Лаппо оставил (все упомянутое в 1924 г. было взято на учет губернским архивным бюро[45], т.е. перешло в собственность губернского архивного фонда)[46].

И все-таки некоторые обстоятельства противоречат предположению авторитетного воронежского коллеги. И. И. Лаппо, скорее, убегал от Советов. Поэтому выехал из Воронежа со всей семьей (ученый пребывал здесь с женой Верой и сыном Иваном, последний учился на юридическом и историко-филологическом факультетах ВГУ[47] и работал с отцом в Архивном фонде научным сотрудником[48]), взяв с собой все самое нужное для жизни и работы. Не случайно С. Л. Пташицкий (1853—1933) — известный польский архивист, филолог и историк, многолетний знакомый И. И. Лаппо — позже напишет: "Профессор далее работает ... на основе давно собранного материала, счастливо спасенного вместе с жизнью с несчастной родины"[49] .

К сожалению, частный архив И. И. Лаппо погиб в годы второй мировой войны, однако еще прежде какая-то его книжная часть оказалась переданной в библиотеку ВГУ и хранится в Отделе редкой книги поныне. Это всего 18 книг с владельческим штампом "Библіотека И. И. Лаппо № ___ ", между тем по вписанным в экслибрис номерам можно утверждать, что в собрании было не меньше двух тысяч экземпляров[50].

Таким образом, выезжая из Воронежа, И. И. Лаппо пред-

восхитил решение 12 профессоров ВГУ, бежавших из города с отступающими белыми в октябре 1919 г.[51]

А искать пропавшего заведующего Губархивом следовало не в Ростове, но в Харькове. Именно через Украину, а позже — Новороссийск, как указывает в автобиографии Иван Лаппо-младший, лежал путь семьи в эмиграцию[52]. В 1920 г. английский пароход вывез профессора, жену и сына за границу. Жить им пришлось в Греции, потом в Югославии, благо британское правительство выплачивало ученому пособие[53].

В декабре 1921 г. Лаппо оказываются в Праге. Здесь в это время начинается так называемая "русская акция" и при поддержке президента Т. Масарика и чешского правительства создается мощный центр русской культуры в изгнании. В 20—30-е гг. в Чехословакии проживало около 35 тысяч русских эмигрантов — в основном, это были донские, кубанские и терские казаки, недоучившиеся на родине студенты и научная интеллигенция[54]. Столица Чехословакии слыла тогда одним из самых значительных и крупных культурных центров не только для живших в ней эмигрантов, но и для всей тогдашней русской диаспоры[55].

В октябре 1923 г. здесь открывается Русский народный (позднее — свободный) университет (РНУ), место профессора в котором получает И. И. Лаппо[56]. Среди его новых коллег оказалось немало известнейших земляков: историки А. А. Кизеветтер, А. В. Флоровский, Б. А. Евреинов; экономисты П. Б. Струве, П. Н. Савицкий; философы С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский, И. И. Лапшин; литературоведы Е. А. Ляцкий, А. Л. Бем; лингвист С. И. Карцевский; историк искусства Н. Л. Окунев и мн. др.[57] Первоначальной целью РНУ было оказание помощи русским студентам в получении полноценного высшего образования, а также популяризация научных знаний. Своей деятельностью Народный университет в немалой степени причинился к выдвижению Праги на бесконкурентные позиции в сфере просвещения бывших россиян: только в 20-е гг. местные вузы выпустили около 11 тысяч русских студентов, что составило почти половину из общего числа всех эмигрантов, окончивших тогда высшую школу за рубежом[58].

Стабильная, хотя и не очень сытая, жизнь[59] в пражской эмиграции дала И. И. Лаппо возможность всецело сосредоточиться на "литовском вопросе". В этот период профессор печатает ряд статей[60] и книги *"Западная Россия и ее соединение с Польшею в их историческом прошлом"* (Прага 1924); *"Идея единства русского народа в Юго-Западной Руси в эпоху присоединения*

Малороссии к Московскому государству” (Прага 1929); систематично работает над исследованием Статута, первопечатный экземпляр которого нашелся в Библиотеке Национального музея в Праге (по собственному признанию, ученый пользовался книжными собраниями этой Библиотеки “почти десять лет, ... а ряд лет работал в ней изо дня в день”[61]); укрепляет частные контакты с независимой Литвой.

Еще пребывая в Югославии, И. И. Лаппо включился в обсуждение отношений Литвы и Польши. Очень критическое мнение историка о претензиях польских политиков к Литве было изложено в работах, опубликованных в русских эмиграционных изданиях, например, парижской газете “Общее дело”[62]. Узнав, что Польша официально отрицает Литовскую государственность после Люблинской унии, ученый пишет письмо президенту Литовской республики, приводя свои научные аргументы, доказывающие необоснованность такой позиции. Потом по просьбе сеймовой комиссии готовит меморандум по поводу “исторического литовского права на самостоятельную государственность” — документ этот будет использован МИДом Литвы в переговорах с другими государствами[63] .

В Праге И. И. Лаппо читал лекции для литовских студентов, вел переписку с литовскими коллегами, принимал их у себя, консультировал, обсуждал возможность сотрудничества[64]. По случаю десятилетия литовской независимости историк в 1928 г. выступил по чехословацкому радио, дал для местных газет интервью по так называемому “Вильнюсскому вопросу”[65].

Вскоре у ученого появился шанс еще более укрепить контакты с землей предков. В декабре 1931 г. освободилось место профессора кафедры литовской истории в Каунасском университете[66]. Как исследователь, занимавшийся проблематикой Великого княжества Литовского, и “старый друг Литвы”, И. И. Лаппо подает заявление на занятие вакантной должности. Однако комиссия факультета, обсудив кандидатуру россиянина, решает “не предлагать ему кафедры” — претендент был человеком не первой молодости и не знал литовского языка. Тогда профессор пишет письмо президенту Литвы А. Сметоне, в котором напоминает, как два года назад при посещении Праги тот сказал чешскому послу: “Очень хорошо, что у него (Лаппо) есть желание поработать в Литве”. Но даже посредничество президента, обратившегося на гуманитарный факультет за разъяснениями, не помогло — сказалось университетское право автономии, только Совет факультета мог предложить и утвердить кандидатуру преподавателя[67].

Вопрос трудоустройства И. И. Лаппо вновь был поставлен — уже на правительственном уровне — в декабре 1932 г.: заседание кабинета министров вынесло решение о найме профессора “для научной работы” — завершения сочинений по литовской истории и описанию Статута[68]. Но когда И. И. Лаппо приехал в Литву, открылась возможность преподавания в Каунасском университете, где с марта 1933 г. историк в должности приват-доцента уже читал авторские курсы “Внутреннее устройство Литовского государства до и после Люблинской унии” и “Эпоха князя Витовта”[69]. Всего же за семь лет И. И. Лаппо прочитал каунасским студентам отделения литовской истории более 20 курсов — по предметам, близким его научным интересам[70].

Ученый не забыл и об условиях своего контракта. Именно в Каунасе он завершил главную свою работу — исследование и публикацию Литовского Статута, издав в трех томах до сей поры непревзойденное сочинение, в котором вопросы развития права в Литовском государстве освещаются на широчайшем социальном фоне с учетом культурной и даже языковой ситуации[71]. И все же литовский период биографии И. И. Лаппо нельзя отнести к творческому. Историк Великого княжества Литовского, оказавшись, наконец, на землях былого княжества, попал в парадоксальную ситуацию: здесь не хватало необходимых для работы письменных памятников (последние хранились в России и Польше). Источниковед-практик оказался оторванным от основы, и, хотя много публиковался[72], почти все, что сделал в Литве, сложно назвать исследовательской работой. Как совершенно справедливо замечает А. Рагаускас, это была скорее популяризация старых концепций[73]. Правда, сохранилось письмо профессора к П. Аугустайтису[74], датированное 1940 г., где И. И. Лаппо писал, что планировал закончить сочинение, для которого “материал собирал 50 лет и в этом труде собирался исследовать все государственное устройство Великого княжества Литовского”[75]. Неизвестно, однако, стояла ли за этим реальная работа или только первые к ней примерки.

Факультет гуманитарных наук университета дорожил профессором — с ним, как лицом без гражданства, продлили контракт, а в 1935 г. факультетское руководство начало старания по воплощению, наверное, мечты старого историка — выступило с ходатайством о предоставлении ему литовского гражданства. Знаменательного события пришлось ждать целых четыре года: в 1939 г. гражданин Литвы И. И. Лаппо смог, наконец, произнести торжественную клятву, обещая “не жалея своих сил, за-

щищать интересы литовского народа и честь правительства и работать на их благо”[76]. В 1938 г. “за заслуги перед Литвой” ученый был удостоен ордена Гедимина III степени[77]. Ни один другой зарубежный историк не награждался столь высокой наградой Республики[78].

В 1939 г. Университет планировал дать И. И. Лаппо звание доктора honoris causa[79], но развернувшиеся тогда события заставили оставить многие замыслы. В октябре Литве вернули Виленский край. В январе 1940 г. гуманитарный факультет из Каунаса был перенесен в Вильнюс. Профессор И. И. Лаппо перевелся в воссозданный университет, но в Вильнюс не переехал, читать лекции ездил поездом[80]. Однако вход на территорию Литвы Красной армии и установление Советской власти привели к очередным изменениям в судьбе ученого: новое Министерство просвещения, делавшее ставку на большевизацию исторической науки, перестало платить ему пособие. Немецкая оккупация принесла новые беды. Хотя в августе 1941 г. И. И. Лаппо принимается на должность приват-доцента Вильнюсского университета, уже с ноября оказывается уволеным как “превысивший установленный Статутом возраст”[81]. Оставшись без средств к существованию, профессор с женой попадают в катастрофическое положение, чудом переживают тяжелую зиму в холодной квартире[82]. В марте 1942 г. И. И. Лаппо по ходатайству директора Департамента по высшему образованию на некоторое время принимается на работу в Институт права и хозяйства младшим ассистентом (!), но уже в мае освобождается от должности[83]. Семидесятилетнему человеку трудно было найти выход из сложившегося положения.

Литовской земле не суждено было дать своему почетному гражданину последнего пристанища. Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах И. И. Лаппо оказался в Дрездене. Здесь, на чужбине, он закончил свои дни 23 декабря 1944 г.[84] Г. Вернадский связывает смерть историка с бомбардировкой города англо-американской авиацией[85]. Однако сведения эти лучше трактовать как непроверенные — с учетом отсутствия источника подачи информации и многочисленных ошибок и неточностей, встречающихся у этого автора при воспроизведении биографии И. И. Лаппо[86].

Таким богатым на события и нелегким был жизненный путь ученого, обвиненного одним советским горе-критиком в том, что “не занимался проблемами современности, уходил назад в прошлое”[87]. В свете всего изложенного слова этой нелепой кри-

тики неожиданно обретают реальный смысл. И. И. Лаппо, во многом, действительно жил давно минувшим, потому что был зачарован своим немодным увлечением, влюблен в славное былое Литовского государства. Этот Дон Кихот Великого княжества Литовского посильно стремился защищать интересы родины далеких предков. И во многом преуспел...

---

[1] *Эрингсон А.* Преподавание истории в Тартуском университете (1802—1918) // Tartu Ülikooli Ajaloo Küsimusi. Tartu, 1975. S. 122.

[2] См.: История Тартуского университета 1632—1982 / Под ред. К. Сийливаска. Таллин, 1982. С. 145; Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979. С. 217; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. II. С. 732.

[3] *Jučas M.* Rusų istorikai apie Lietuvos didžiąją kuningaikštystк // Труды Академии наук Литовской ССР. Сер. А. 1960. Т. 2 (9). С. 77.

[4] *Эрингсон А.* Указ. соч. S. 122.

[5] *Banionis E.* Ivanas Lappo. Praetis III. Vilnius, 1992. S. 249.

[6] См.: *Ragauskas A.* Istorikas Ivanas Lappo (1869—1944) ir Lietuva // Lietuvos istorijos metrastis 1993, Vilnius 1994. S. 82. Здесь и далее сведения, воспроизводимые со ссылкой на А. Рагаускаса, имеют под собой сугубо документальную основу. Этот литовский исследователь скрупулезно изучил личные архивы ученого, хранящиеся в Вильнюсе и Каунасе.

[7] См.: Herbarz Polski, wyd. A. Boniecki. T. XV. Warszawa, 1912. S. 188.

[8] См.: Ibid. 184 (со ссылкой на Herbarz Witebski).

[9] См.: *Banionis E.* Op. cit. S. 249.

[10] См.: *Вернадский Г.* Русская историография. М., 1998. С. 173.

[11] См.: *Лаппо И. И.* Тверский уезд в XVI веке: Его население и виды земельного владения. М., 1894.

[12] *Banionis E.* Op. cit. S. 249.

[13] *Лаппо И. И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586): Опыт исследования политического и общественного строя. СПб., 1901. С. III.

[14] См.: *Вернадский Г.* Указ. соч. С. 173.

[15] См.: *Лаппо И. И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... Автор посчитал “нравственным долгом посвятить свое исследование памяти ученого, влиянию которого наиболее обязаны историки-слушатели родного университета” — акад. В. Г. Васильевского (1838—1899), известнейшего византоведа, автора работ по славистике и литовской истории.

[16] Г. Ф. Карпов (1839—1890) — ученик С. М. Соловьева, историк, специализировавшийся на “западнорусской” тематике.

[17] См.: *Ragauskas A.* Op. cit. S. 82.

[18] *Любавский М.* [рец. на кн.:] И. И. Лаппо Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория // Журн. Министерства Народного Просвещения. 1902. № 4. С. 490.

[19] *Середонин С. М.* Разбор исследования И. И. Лаппо “Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория” // Чтения Общества истории и древностей российских (ЧОИДР). 1905. Кн. 1. С. 29.

[20] *Любавский М.* Указ. соч. С. 487.

[21] *Середонин С. М.* Указ. соч. С. 28.

[22] *Лаппо И. И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 82.

[23] *Любавский М.* Указ. соч. С. 491.

[24] *Середонин С. М.* Указ. соч. С. 9—10.

[25] Там же. С. 29.

[26] См.: Записка проф. И. И. Лаппо // Летопись занятий Археографической комиссии за 1906 год. СПб., 1908. Вып. 19. С. 20—41.

[27] См.: Русская историческая библиотека. СПб., 1910. Т. 27. Юрьев, 1914. Т. 30.

[28] *Лаппо И. И.* Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия: Литовско-Русский повет и его сеймик. Юрьев, 1911.

[29] *Любавский М. К.* Отзыв о сочинении И. И. Лаппо “Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия” // ЧОИДР. 1913. Кн. 4. С. 11.

[30] См.: *Ragauskas A.* Op. cit. S. 82.

[31] См.: *Лаппо И. И.* Литовский Статут 1588 года. Каунас, 1934. Т. I, ч. 1. С. VII.

[32] *Ragauskas A.* Op. cit. S. 82.

[33] См.: История Тартуского университета 1632—1982. С. 166.

[34] *Сент-Илер К.* К истории Воронежского университета // Труды Воронежского университета. Воронеж, 1925. Т. 1. С. 397.

[35] См.: История Тартуского университета 1632—1982. С. 167; *Сент-Илер К.* Указ. соч. С. 383.

[36] *Карпачев М. Д.* Воронежский университет: Начало пути. Воронеж, 1998. С. 67—68.

[37] См.: *Чесноков В. И.* Начало советского архивного строительства в Воронежской губернии // Записки воронежских краеведов. 1987. Вып. 3. С. 67.

[38] Государственный архив Воронежской области (ГАВО), ф. 441, оп. 1, д. 9, л. 41.

[39] Там же.

[40] Там же, д. 3а, л. 75.

[41] См.: *Чесноков В. И.* Указ. соч. С. 76.

[42] ГАВО, ф. 441, оп. 1, д. 9, л. 102.

[43] Там же, л. 132—135.

[44] Там же, л. 133 об.

[45] Там же, д. 115, л. 10 об.

[46] См.: *Чесноков В. И.* Указ. соч. С. 76.

[47] Из личного дела студента юридического факультета Лаппо Ивана Ивановича (ГАВО, ф. 33, оп. 3, д. 15779) узнаем, что родился он 12 апреля 1895 г., закончил с золотой медалью Санкт-Петербургскую гимназию, в 1913 г. был принят в число студентов юридического факультета Юрьевского университета, в 1919 г. продолжил учебу в Воронеже — на юридическом и историко-филологическом факультетах ВГУ. В 1928 г. подавал (как оказалось, безуспешно) документы на вакантную должность преподавателя римского права юридического факультета Каунасского университета, в заявлении указал, что закончил Пражский университет (*Ragauskas A.* Op. cit. S. 84). В 1933 г., будучи приват-доцентом русского юридического фа-

культета в Праге, издал монографию “Рекуператорный владельческий иск в Литовском праве конца XVI столетия” (Прага, 1933), посвятив ее памяти своего учителя проф. К. Кадлеца (1865—1928) — профессора Карлова университета.

[48] См.: Список лиц, служивших в Губархиве и получавших жалованье в 1919 году // ГАВО, ф. 441, оп. 1, д. 9, л. 93.

[49] *Ptaszycki S.* Pierwsze wydanie trzeciego Statutu Litewskiego i jego przeróbki // Księga pamiątkowa ku uczczeniu czterechsetnej rocznicy wydania Pierwszego Statutu Litewskiego: Rozprawy Wydziaiu III Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie. Wilna, 1935. T. VIII. S. 166.

[50] В основном, это литература источникового характера: Акты, издаваемые Виленской Археографической комисссиею. Т. 4. Вильна, 1870 и Т. 12. Вильна, 1883; Акты Юго-Западной России, издаваемые Комиссиею для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском Генеральном губернаторстве. Ч. VII, т. I. Киев, 1886; Архив Юго-Западной России. Ч. 7, т. 1; Полное собрание русских летописей. Т. IX и X. СПб., 1862 и др. Есть еще экземпляр книги “Литовский статут в московском переводе-редакции” (Юрьев, 1916) с дарственной записью автора: “Дорогому Дмитрію Николаевичу Кудрявскому на добрую память отъ И. Лаппо” [шифр 9(4) Л-24]. Проф. Д. Н. Кудрявский (1867—1920) — крупный ученый в области общего языкознания, вместе с И. И. Лаппо работал в Юрьевском университете; после переезда в Воронеж в 1918—1920 гг. заведовал кафедрой сравнительного языкознания ВГУ.

[51] См.: Воронежская коммуна. 1919. 12 нояб.

[52] См.: *Ragauskas A.* Op. cit. S. 86.

[53] См.: Там же.

[54] См.: *Кишкин Л. С.* Русская эмиграция в Праге: культурная жизнь (1920—1930-е годы) // Славяноведение. 1995. № 4. С. 17.

[55] “Не было другой такой страны, где бы в 20-е годы были столь же благоприятные условия для самой разнообразной культурной работы русской эмиграции” (*Кишкин Л. С.* Указ. соч. С. 18).

[56] См.: *Аксенова Е. П., Досталь М. Ю.* Русская ученая академия в Праге в годы второй мировой войны // Славяноведение. 2001. № 4. С. 31—32.

[57] См.: Там же. С. 32.

[58] См.: *Кишкин Л. С.* Указ. соч. С. 18.

[59] Вот как поэт В. Ф. Ходасевич — один из “российских парижан” (а русские эмигранты из Франции вообще относились к чехословацким землякам с известным высокомерием) — пишет о решении писателя Б. К. Зайцева поселиться с семьей в Чехословакии: “Зайцевы переезжают в Прагу. Правда ли это? Меня это очень тревожит, ибо переезд в сию европейскую столицу означал бы, что они переживают крайний, предельный денежный кризис” (*Ходасевич В.* Письма М. В. Вишняку // Знамя. 1991. № 12. С. 181).

[60] См.: Ceskoslovenské práce o jazyce, d ejinách a kultuře slovanských národů od r. 1760: Biograficko-bibliografický slovnik. Praha, 1972. S. 279.

[61] *Лаппо И. И.* Литовский Статут 1588 года. Т. I, ч. 1. С. IX.

[62] См.: *Ragauskas A.* Op. cit. S. 82.

[63] См.: Там же. S. 82—83.

[64] См.: Там же. S. 83.

[65] См.: Там же.

[66] См.: Там же.

[67] См.: Там же. S. 83—84.

[68] См.: Там же. S. 84.

[69] См.: Там же. S. 81.

[70] Напр., “История законодательства Литвы”, “Историография ВКЛ”, “Литовские Статуты”, “Методика преподавания истории”, “Отечественные исторические документальные источники, их хранение и издание” и др. (см.: *Ragauskas A.* Op. cit. S. 85; *Banionis E.* Op. cit. S. 250).

[71] См.: *Лаппо И. И.* Литовский Статут 1588 года. Каунас, 1934—1938. Т. I, ч. 1—2; Т. II.

[72] См.: *Ragauskas A.* Op. cit. S. 86—87.

[73] Там же. S. 86.

[74] П. Аугустайтис (1893—1941) — литовский историк культуры и филолог, во время переписки с И. И. Лаппо — проф. Вильнюсского университета, декан гуманитарного факультета.

[75] *Ragauskas A.* Op. cit. S. 86.

[76] Там же. S. 85.

[77] См.: *Banionis E.* Op. cit. S. 250.

[78] См.: *Ragauskas A.* Op. cit. S. 85.

[79] См.: Там же. S. 88.

[80] См.: Там же. S. 87.

[81] Там же.

[82] См.: Там же. S. 88.

[83] См.: Там же.

[84] См.: *Banionis E.* Op. cit. S. 250.

[85] См.: *Вернадский Г.* Указ. соч. С. 177.

[86] Искажены, в частности, данные о месте рождения И. И. Лаппо, даты его поступления в Петербургский университет, переезда в Прагу; факт разработки Статута неверно соотнесен с “каунасским”, а не с “пражским” этапом биографии ученого.

[87] *Эрингсон А.* Указ. соч. S. 122.